

PERSONALITÄT

SPRACHE DER PHILOSOPHIE
IM DEUTSCH-RUSSISCHEN
DIALOG

Herausgegeben von
Nikolaj Plotnikov und Alexander Haardt
unter Mitwirkung von
Viktor Molchanov

MOSKAU
MODEST KOLEROV VERLAG
2007

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ

ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ
В РУССКО-НЕМЕЦКОМ ДИАЛОГЕ

Под редакцией
Н. С. Плотникова и А. Хаардта
при участии
В. И. Молчанова

МОСКВА
МОДЕСТ КОЛЕРОВ
2007

УДК 008
ББК 71.05
П27

Проект «Личность — субъект — индивидуум. Философские концепты «персональности» в истории немецко-русских культурных связей» осуществляется при поддержке фонда Фольксваген (Ганновер, ФРГ)

Das Forschungsprojekt «„Person“ und „Subjekt“ im deutsch-russischen Kulturtransfer. Untersuchungen zum Begriffsfeld der Personalität in interkultureller Perspektive» wird durch die Volkswagenstiftung (Hannover, Deutschland) gefördert

Редактор Е. В. Ознобкина

П27 **Персональность.** Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник]/Под редакцией Н. С. Плотникова и А. Хаардта при участии В. И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007. — 480 с.

Сборник посвящен истории ключевых понятий «персональности» («личность», «Я», «субъект») в немецкой и русской интеллектуальной традиции. В статьях рассматриваются как разработка этих понятий отдельными философами (Лейбницем, Кантом, Ницше, Гуссерлем, Вл. Соловьевым и др.), так и их роль в процессах социокультурного развития и межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется исследованию связи языка и социального опыта в истории понятий. Для философов, историков культуры, а также читателей, интересующихся историей русско-немецких культурных связей.

ISBN 978-5-91150-018-4

© Авторы статей, 2007
© Модест Колеров, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторов. Персональность — тема и проблема современной мысли 7

1. МОДЕЛИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ДИТЕР ШТУРМА. Главные особенности философии личности 23
ВИКТОР МОЛЧАНОВ. Опыт и фикции: Поток сознания и гипертрофия Я . . . 41
ХУБЕРТУС БУШЕ. Моральная и физическая идентичность личности.
Лейбниц против Локка 64
ВАЛЬТЕР ЙЕШКЕ. Лицо и личность. Заметки по поводу немецкой
классической философии 79
ПИРМИН ШТЕКЕЛЕР-ВАЙТХОФЕР. Философия подлинной личности
у Ницше 94
ДИТРИХ БУССЕ. История понятий — история дискурса — лингвистическая
эпистемология. Философские замечания по поводу теоретических
и методологических основ исторической семантики в связи с филосо-
фией личности 110

II. РУССКАЯ МЫСЛЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯКОВ. Хайдеггер и персонализм русского богословия 139
АЛЕКСАНДР ХААРДТ. Персональность в морали и праве. Встреча
Вл. Соловьева с Кантом 149
НИКОЛАЙ ПЛОТНИКОВ. Личность и собственность. Аксиоматика
персональности в европейской и русской философии 167
АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ. Теория государства как юридического лица . . 180
ИГОРЬ ЕВЛАМПИЕВ. Концепция человека в русской философии начала
XX века: феноменологические истоки и параллели 196
ТАТЬЯНА ЩИТЦОВА. Идея «отвечающей субъективности» в творчестве
Киркегора и Бахтина 211
ЭВЕРТ ВАН ДЕР ЗВЕРДЕ. «Субъективизм нового типа», или Как
обобществление субъекта привело к идеализации личности 220

III. ДИСКУРС ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

МАРИНА БОБРИК. К истории понятия «я» в русском языке: Сочетания со словом <i>внутренний</i>	235
НАТАЛЬЯ САМОВЕР. Литература и психология. Поиск В. А. Жуковским философско-педагогического языка персональности	259
АЛЬБЕРТ АЛЁШИН. Об особенностях словаря персональности ранних славянофилов. (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков)	278
ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ. К постановке проблемы персональности в русском педагогическом дискурсе середины XIX — начала XX вв.	294
РАЙНЕР ГОЛЬДТ. Модели личности автора в автобиографии и дневнике	307
СЕРГЕЙ ПОЛОВИНКИН. Всеединство и личность. Тезисы по поводу одной проблемы русской философии	326
ГАСАН ГУСЕЙНОВ. Личность мистическая и академическая. А. Ф. Лосев о «личности»	340
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ. «Сцепление переходов»: Общество, история и личность у Юрия Тынянова, Бориса Эйхенбаума и Лидии Гинзбург	368
ЕЛЕНА СОКОЛОВА. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и категория личности в истории советской психологии	390
АЛЕКСАНДР БИКБОВ. Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма»	404
ЭДВАРД СВИДЕРСКИ. От «социального субъекта» к «личности»: Неудавшаяся смена парадигмы в советской философии?	427
БОРИС ДУБИН. О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования)	443
ЕВГЕНИЙ БАРАБАНОВ. Постсоветская художественная субъективность: Стратегия vs. рефлексия	453
ОБ АВТОРАХ	473
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	475

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ — ТЕМА И ПРОБЛЕМА
СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

Убеждение в том, что понятие *личности* (в смысле *лица* — Person) является ключевым для философского сознания Запада, имеет в современном философском дискурсе характер прочной очевидности. Большинство книг и статей, посвященных понятию и проблеме *личности*, одно лишь библиографическое перечисление которых составило бы фолиант изрядной величины, начинается с неизменного повторения тезиса, что понятие *личности* является «ключевым», «центральным» и «фундаментальным», а также «выполняет основную функцию», «играет главную роль» или «занимает особое положение» в контексте философских дискуссий современности¹. Степень дифференцированности этих дискуссий — охватывающих области философии сознания и эпистемологии, этики и философии права, теологии и политической философии — такова, что вполне оправдано говорить не об одном понятии, а о целой сети понятий *личности*, тем более что контекст употребления и семантика этого термина варьируются в зависимости от того, идет ли речь о проблемах *персональной идентичности, единства сознания, субъекта, Я, индивидуума, самосознания, ответственности, свободы, собственности, субъективных прав или божественных ипостасей*. Связи *личности* с этим спектром проблем и понятий по-разному актуализированы в современных дискуссиях, в разной степени становятся темой философского и научного анализа, но, тем не менее, образуют некое общее поле значений, которое можно обозначить искусственным (для русского языка) термином *персональность*. Это семантическое поле персональности и спектр составляющих его понятий и образуют одну из ключевых тем философской рефлексии современности.

1. Для примера можно указать на публикации: R. Spaemann. Personen. Versuche über den Unterschied zwischen „etwas“ und „jemand“. Stuttgart, 1996; M. Brassler (Hrsg.). Person. Philosophische Texte von der Antike bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1999; H. G. Kippenberg et. al. (Eds.). Concepts of Person in Religion and Thought. Berlin/New-York 1990; M. Quante (Hrsg.). Personale Identität. Paderborn u. a., 1999.

ДИТРИХ БУССЕ

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ — ИСТОРИЯ ДИСКУРСА —
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В СВЯЗИ С ФИЛОСОФИЕЙ ЛИЧНОСТИ

I. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к философии *личности/лица* (Person) формируется в ходе эволюции этого понятия, которая столь многопланова, разнородна и запутана, как лишь у редких понятий. Уже беглый просмотр обширной статьи «Личность» в «Историческом словаре философии»¹ показывает, что эволюция этого понятия характеризуется не только значительной исторической глубиной — что присуще почти всем основным философским понятиям — и обширным тематическим спектром (ср. тематические линии эволюции, проходящие через философию государства и права, социальную философию, богословие, юриспруденцию и философию тождества), но и обладает, вплоть до самых глубинных этимологических слоев, столь беспрецедентной разнородностью, что не позволяет выделить в самых разнообразных перспективах и способах употребления понятия «лицо» какую-либо красную нить. Более того: понятие *личности* должно об-

рести свое место, прежде всего, в современной философии и утвердиться среди многочисленных фундаментальных философских понятий, таких как «Я», «самость», «идентичность», «субъект» и т. д. Для специалиста по прикладной лингвистике с философским образованием довольно странно видеть, сколь незначительно эти смежные понятия затрагиваются в статье философского словаря, посвященной «личности». Возможно, данное наблюдение бросает свет на теоретические и методические проблемы, обнаруживающиеся при подходе к столь сложной проблеме, как философия *личности*, в свете задач исторической семантики.

Вначале я попытаюсь подойти к этим проблемам исходя из нынешнего состояния развития исторической семантики вне философии, т. е. из перспективы тех теоретических и методологических подходов, что были за последние тридцать лет разработаны во многих гуманитарных и культурологических на-

уках, прежде всего, — в исторической науке. Постепенно эти подходы, сначала связанные с изучением отдельных слов в рамках чистой истории идей, стали развиваться в направлении истории дискурса, обращенной уже к целым текстам, текстуальным сетям и текстуальным стратегиям. Но любой (по крайней мере, философски от-refлексированный) анализ дискурса нацелен, в конечном счете, на анализ того знания, которое проявляет себя в текстах и понятиях, т. е. на создание своего рода эпистемологии. Поэтому в качестве второго шага я обозначу основные черты лингвистической эпистемологии, как она вырисовывается на основании новейших подходов в лингвистических и когнитивных науках. При этом особое внимание я хочу уделить вопросу, почему любая история понятий, любой анализ дискурса, любая историческая семантика неизбежно должна перерасти в лингвистически ориентированную эпистемологию, — ведь собственно эпистемология и есть анализ знания. Затем, касаясь истории понятия «личность», я затрону вопрос

о том, какие признаки философской текстуальности могли бы способствовать развитию историко-понятийного и/или историко-дискурсивного подхода, а какие, видимо, исключают или, во всяком случае, затрудняют его применение. Обсуждение этого вопроса в целом проливает свет на возможности и цели лингвистически ориентированной эпистемологии. В заключении, наряду с выводом и формулированием задач на будущее, будет продемонстрирована неожиданная перспектива, которая может открыться в случае применения некоторых эпистемологических постулатов к самой проблеме философии *личности*. Несмотря на то, что тексты позднего Витгенштейна оказали на меня значительное влияние, в своих размышлениях я не стану руководствоваться его приговором философии как «околдовыванию» (Verhexung) разума средствами языка», даже если после ознакомления с многовековой историей слова и понятия «личность» все же возникает впечатление некоего «замешательства разума с помощью средств языка».

2. ПОЧЕМУ ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ? — ПОЧЕМУ АНАЛИЗ ДИСКУРСА?

Философская история понятий (в постановке задач, теории и методических основаниях), кажется, до сегодняшнего дня еще не затронута влиянием того теоретического и методологического развития исторической семантики, которое за последние двадцать-тридцать лет происходило в смежных культурологических и гуманитарных науках. Прежде чем затронуть возможные мотивы этой нерешительности со стороны философии, я кратко опишу само это развитие.

Обширная теория и практика исторической семантики возникли, прежде всего, в рамках немецкоязычной дискуссии. Это специфическое и не имеющее международных аналогов достижение немецкой исторической науки нашло свое отражение в издании фундаментальных справочных трудов (словарь «Основные исторические понятия», «Исторический словарь философии», «Словарь эстетических понятий», «Словарь риторики» и т. д.) и серий публикаций («Ар-

1. Art. Person // J. Ritter u. a. (Hrsg.). Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 7. Basel, 1989. S. 269–338.

хив по истории понятий»). При этом инициаторами возникновения исторической семантики изначально были историки, например такие, как соиздатель словаря «Основные исторические понятия» Райнхарт Козеллек². Однако в дальнейшем своем развитии она вышла далеко за пределы традиционного исторического изучения слов и этимологии, стремясь дистанцироваться и от социальной истории, и от истории идей, часто скрывающейся за словарной статьей. Исходной была мысль о том, что в словах выражаются понятия а, тем самым, и языковые единицы, оказывающие влияние на общественную мысль во всех областях знаний. Поэтому необходимо еще раз проследить общественное и историческое воздействие понятий и также обнаружить их способность конституировать и изменять действительность. Знаменитым стал вывод Козеллека о том, что основные историко-социальные понятия — это не только «индикаторы» общественных и исторических процессов, они могут и напрямую влиять на исторические

изменения как «факторы» этих процессов³. В качестве примера часто приводятся такие понятия, как «социализм», которые сегодня вслед за лингвистом Фрицом Херманном называют «деонтическими понятиями»⁴, т. е. понятиями, указывающими на то, что требуется сделать (например, построить социализм). Рассматриваемые таким образом понятия сами становятся неким двигателем исторического процесса.

Так понятая история идей всегда нацелена на изучение мышления и структур знания, стоящих за употреблением слов. Тем самым она отдает должное специфическому характеру такой единицы, как «понятие», относительно которой никогда до конца не ясно, идет ли речь о категории для описания мышления и знания или о категории для описания языка⁵. В равной мере история понятий никогда не должна упускать из виду их языковой аспект (со времени Соссюра лингвисты говорят о «плане выражения»). Понятие необязательно привязано к единственной форме слова, а сохранение формы слова во-

2. Прежде всего, см.: R. Koselleck. Einleitung // O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck (Hrsg.): Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Band 1, A-D. Stuttgart, 1972. S. XIII–XXVII; *он же*. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // R. Koselleck. (Hrsg.): Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1979. S. 19–36.
3. R. Koselleck. Einleitung. S. XXIII ff.; также см.: *он же*. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte.
4. Об этом см.: F. Hermanns. Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms der SPD // Josef Klein (Hrsg.): Politische Semantik. Opladen, 1989. S. 69–149; а также: *он же*. Dimensionen der Bedeutung I: ein Überblick // D. Alan Cruse et al. (Hrsg.): Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. 1. Halbband. Berlin/New York, 2002. S. 343–350.
5. По этой проблематике см.: D. Busse. Historische Semantik. Stuttgart, 1987. S. 77 ff.; а также в скором времени: *он же*. Art. „Begriff“ // P. J. Brenner, J. Mittelstraß, F. Reinalter (Hrsg.). Lexikon der Geisteswissenschaften. Stuttgart, 2006. Большинство статей автора, а также его монографии: Historische Semantik. Stuttgart, 1987 и Textinterpretation. Sprachtheoretische Grundlagen einer explikativen Semantik. Opladen, 1991 доступны для просмотра и скачивания на сайте: <http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/germl/mitarbeiter/busse/pub>

все не гарантирует сохранения стоящих за этой формой слова понятий и значений, как это со всей очевидностью демонстрирует история слова «личность». Однако историческая семантика, если она претендует на серьезное отношение к себе, всегда должна пытаться учитывать и языковые аспекты своего предмета, связанные с планом выражения.

Критика теории и методов истории понятий козеллековского типа ни в коем случае не была мотивирована лишь лингвистически (хотя на эту тему есть что сказать)⁶. Скорее она отталкивалась от того странного подвешенного состояния, в котором находилась история понятий, — между историей мысли (историей идей) и историей слов. В значительной мере эта критика получила импульсы от «археологии знания» французского философа Мишеля Фуко, увидевшего в «дискурсе» движущую силу общественной эпистемы⁷. Согласно Фуко, дискурсы образуют самостоятельный уровень воздействия, расположенный между мышлением и языком⁸. Его нельзя сводить ни к одному, ни к другому, т. е. он никогда не должен редуцироваться ни к движе-

нию мысли, истории идей, ни к языковым аспектам, в данном случае, к конвенционально понятой истории слов и этимологии. В дискуссии историков по поводу исторической семантики восприятие идеи дискурса было связано с разнообразными методологическими изменениями⁹ (с переходом от так наз. «литературы духовных вершин» чистой теории к историческим источникам повседневности; от фиксации внимания на отдельных словах к анализу семантических движений и взаимовлияний также вне форм отдельных слов; от истории отдельных понятий к описанию дискурсивного развития и линий влияния, не достигших уровня открытой и осознанной тематизации). Параллельно идея дискурса перенималась другими гуманитарными и культурологическими науками и привела, например, в новейшей культурологически ориентированной лингвистике к возникновению динамичной области исследования — самостоятельному лингвистическому дискурс-анализу¹⁰. А со временем она стала также применяться литературоведами, социологами, политологами и др.

6. Дальнейшее подтверждение этого см.: D. Busse. Historische Semantik. S. 43 ff.
7. См.: M. Foucault. L'archéologie du savoir. Paris, 1969 (На русском языке: М. Фуко. Археология знания. М., 1996.); а также: *он же*. L'ordre du discours. Paris, 1971. (Рус.: М. Фуко. Порядок дискурса. М., 1996.); также см.: *он же*. Les mots et les choses. Paris, 1966. (Рус.: М. Фуко. Слова и вещи. М., 1977.) Подробные доказательства см.: D. Busse. Historische Semantik. S. 222 ff. В качестве обзора также см.: D. Macdonell. Theories of Discourse. An Introduction. Oxford, 1986.
8. M. Foucault. L'ordre du discours. P. 48 (рус.: М. Фуко. Порядок дискурса.); об этом также см.: D. Busse. Historische Semantik. S. 222 ff.
9. См. об этом, прежде всего: R. Reichardt. Zur Geschichte politisch-sozialer Begriffe in Frankreich zwischen Absolutismus und Restauration. Vorstellung eines Forschungsvorhabens // B. Schlieben-Lange, J. Gessinger (Hrsg.). Sprachgeschichte und Sozialgeschichte. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik 12, Heft 47, (1982). S. 49–74; *он же*. Einleitung // R. Reichardt, E. Schmitt (Hrsg.). Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. München, 1985. S. 39–148.
10. В качестве обзора, прежде всего, см.: D. Busse. Historische Diskursanalyse in der Sprachgermanistik — Versuch einer Zwischenbilanz und Ortsbestimmung // Martin Wengeler (Hrsg.). Deutsche

В лингвистической семантике дискурса (от имени которой я здесь выступаю) идея дискурса привела к новой методологической рефлексии и воспринимается сегодня скорее как определенная форма эмпирически-дескриптивного исследования, ставящего перед различными частными лингвистическими методами общую цель. В этом смысле¹¹ лингвистическая семантика дискурса объединяет проверенные частные лингвистические методы с новым и специфическим целеполаганием, которое (опираясь, прежде всего, на новые способы выбора источников) может привести к иным и более значимым результатам, нежели прежние направления поиска. К данным методам могут относиться:

- семантический анализ признаков;
- расширение подобного анализа на целые семантические сети и их конституирующие факторы (например, рамки знания);
- анализ пресуппозиций в смысле лингвистической прагматики и анализ скрытых и/или одновременно подразумеваемых значений, раскрываемых посредством вывода;
- анализ смысловых элементов неязыковых знаков;
- анализ структур аргументации и их семантико-эпистемических эле-

ментов (например, опорных правил в аргументативной модели С. Тулмина);

- анализ топосов в смысле риторической или аргументационно-аналитической топологии;
- анализ метафор в духе теории метафоры повседневности (Лаккофф/Джонсон) и т.д.

Даже если лингвистическо-семантический дискурс-анализ понимается скорее дескриптивно¹², то в принципе он не исключает учета перспективы анализа власти, что было важно, прежде всего, для исследований самого Фуко. В нашем контексте здесь важно то, что дискурсивные властные тенденции могут пониматься не только в общественно-политическом смысле. Скорее речь идет о властных переплетениях и направлениях влияния в самих дискурсах, т.е. даже внутри чисто теоретических, например, философских дискурсов.

Понятие дискурса (как и различные виды дискурс-анализа) часто критикуют за то, что оно слишком изменчиво, с большим трудом поддается определению и приводит к слишком различным практическим исследовательским подходам. Или же задействуется для их легитимации, если иметь в виду негативный оттенок. С одной стороны, это вер-

Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven. Beiträge zu einer Tagung anlässlich der Emeritierung Georg Stötzels. (= Germanistische Linguistik 169–170) Hildesheim u. a., 2003. S. 8–19; M. Wengeler. Topos und Diskurs. Begründung einer argumentationsanalytischen Methode und ihrer Anwendung auf den Migrationsdiskurs (1960–1985). Tübingen, 2003.

11. Подробнее об этом см.: D. Busse. Historische Semantik; он же: Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // A. Stukenbrock, J. Scharloth (Hrsg.). Linguistische Diskursanalyse. (Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, Heft 86, (2001). S. 39–52.

12. Вполне в духе высказывания Фуко: «eh bien, je suis un positiviste désespéré», согласно: S. LeBon. Un positiviste désespéré: Michel Foucault // Les temps modernes. 248 (1967). P. 1299–1319.

но. С другой стороны, точно такую же критику можно без труда адресовать любому другому понятию, используемому в данном контексте. Точно так же она касается таких понятий, как *понятие*, *слово*, *предложение*, *текст* (если называть лишь лингвистически релевантные) или даже таких, как *идея*, *мысль* и другие выражения. Ни для одного из этих слов нет простой и бесспорной дефиниции. Все они покрывают большой спектр феноменов, и не в последнюю очередь это связано с тем, что они — точно так же, как понятие *дискурс*, по крайней мере, во французском и английском языковом пространстве — играют столь значительную роль в повседневной жизни и повседневном языке. Поэтому неверным является часто звучащее требование ради научной ясности и теоретической однозначности совсем отказаться от понятия дискурса, ввиду его многозначности. Если принять подобные требования за масштаб, то точно так же пришлось бы отказываться от других названных и многих иных научных и философских понятий.

По причинам, обусловленным исследовательской практикой, в лингвистическом дискурс-анализе (*дискурс* понимается здесь в смысле Фуко) широко утвердилось рабочее определение, согласно которому *дискурс* понимается как корпус текстов, относящийся

к определенному тематическому комплексу¹³. Этот корпус текстов не уславливается с самого начала, скорее здесь исходят из идеи «открытого корпуса», который в ходе анализа может быть расширен за счет смежных и релевантных текстов. При этом критерием для включения в корпус является не столько (как в истории идей) сквозное использование отдельного ключевого слова, сколько тематическая, идейная связь, существующая между возможными текстами корпуса (*дискурс*) относительно изучаемого аспекта. При выявлении подобных отношений, конститутивных для возникновения дискурса, определенную роль может играть то, что я назвал «основными дискурсивно-семантическими фигурами»¹⁴. Под этим я понимаю следующее: во-первых, дискурсы характеризуются тем, что в относимых к ним текстах регулярно встречаются определенные содержательные элементы; во-вторых, содержательные элементы, встречающиеся с устойчивым постоянством, отражаются в текстах, образующих корпус отдельных дискурсов (или же вносящих в них вклад). При этом предполагается, что тексты (и их составные части) не являются — как это следует из одного старого заблуждения теории языка (и повседневности) — оригинальными продуктами, возникающими,

13. Здесь дается согласно: D. Busse, W. Teubert. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert (Hrsg.). Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen, 1994. S. 10–28.

14. Подробнее об этом см.: D. Busse. Das Eigene und das Fremde. Zu Funktion und Wirkung einer diskurssemantischen Grundfigur // M. Jung, M. Wengeler, K. Böke (Hrsg.). Die Sprache des Migrationsdiskurses. Das Reden über „Ausländer“ in Medien, Politik und Alltag. Opladen, 1997. S. 17–35.

как бы *ab ovo*, вследствие интенций их производителя. Скорее в них часто используются отдельные фрагменты, относящиеся к базовому эпистемологическому оснащению продуцентов текста или же осознанно или неосознанно перенятые ими из других, ранее воспринятых текстов. Эти отдельные фрагменты не являются «топосами» в традиционном смысле этого понятия, тем не менее, они структурируют и конституируют знание, релевантное для понимания. На глубинно-семантическом уровне, чаще всего недоступном для ясного (*overten*) сознания и тем самым для эксплицитной тематизации, они оказывают воздействие способом, который вполне можно назвать «топологическим».

При определенных обстоятельствах «основные дискурсивно-семантические фигуры» (например, «Свое и Чужое») могут быть обнаружены внешним наблюдателем даже там, где «производители» и «реципиенты» соответствующих текстов даже не подозревают об их существовании. И хотя здесь нет полной независимости от воли говорящих, они (и, тем самым, основные черты эпистемы производителя текста) часто проявляются непроизвольно. Основные дискурсивные фигуры могут постоянно выходить на поверхность дискурса, становиться эксплицитным предметом или темой текстов. Вероятно, даже можно было бы выдвинуть тезис, что эта временная эксплицитность является необходимым условием их (первого?) появления и их структурной действенности. Однако их нормальная действенность (после того, как они уже сложились) скорее принимает такую форму: проявление определенных дискурсив-

ных элементов объясняется присутствием основных дискурсивных фигур, но обнаруживается в этих элементах не таким образом, чтобы их можно было причислить к эксплицитному значению слова или текста на поверхностном уровне. Основные дискурсивные фигуры структурируют содержательные элементы текста, при определенных обстоятельствах управляют их появлением в определенных точках дискурса, определяют внутреннюю структуру дискурса, которая не обязана совпадать с тематической структурой текстов, в которых они проявляются. Они образуют схему, которая сама может стать действенной в качестве основной структуры междискурсивных эпистемических взаимосвязей. В этом смысле основные дискурсивные фигуры не обязательно привязаны к определенному дискурсу или ограничены одним единственным дискурсом, но могут сами появляться в различных дискурсах одновременно. Тем самым они способствуют возникновению междискурсивных отношений, которые, видимо, сравнимы с интертекстуальными отношениями лингвистики текста. По этой причине основные дискурсивные фигуры имеют свою историю, которая необязательно должна ограничиваться каким-то промежуточком времени и появлением дискурса или текста, являющегося референтным (для соответствующего анализа) на данный момент. Напротив, привлекательность дискурсивно-аналитической перспективы состоит именно в том, что многие дискурсивные течения и основные фигуры обладают глубинным историко-эпистемическим измерением, что совершенно невозможно предположить

с первого взгляда (и исходя из поверхностно-семантической перспективы)¹⁵.

В этом смысле историко-семантический дискурс-анализ раскрывает семантические аспекты и элементы знания, которые может не заметить история значений в традиционном филологиче-

ском, но также в историко-понятийном смысле, ориентированная исключительно на изучение отдельных слов. Он заостряет видение образующих эпистемических базовых элементов и структур, анализ которых особенно важен с точки зрения эпистемологического интереса.

3. ЭЛЕМЕНТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ (ПОЧЕМУ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ?)

История понятий и история дискурса в качестве моделей (т. е. направлений поиска и методологических подходов) нацелены на анализ и экспликацию элементов знания и структур мышления, явно или неявно связанных со словами/понятиями и текстами. В этом смысле к «знанию» относится не только эксплицитное, открытое (*overt*), осознанное знание в том определении, в каком это понятие используют многие философы. Я также отношу сюда элементы знания в смысле применяемого у Фуко понятия «эпистема», которые в дан-

ный момент могут быть скрыты от сознательной рефлексии, но тем не менее структурируют и конституируют мышление и знание в их основных чертах¹⁶. Поскольку в случае исторической семантики мы в принципе имеем дело с единицами языка (словами, предложениями, текстами, собраниями текстов), то при анализе этих языковых единиц знание (эпистема) в принципе проявляется в релевантной для понимания форме (или же впервые делает такое понимание возможным)¹⁷. Понятие понимания, взятое здесь за осно-

15. Для основных дискурсивных фигур пока вторичен вопрос о том, в какой конкретной форме они проявляются в дискурсе: они могут выступать в качестве семантических признаков и в качестве таковых образовывать исторические изотопные цепи; с точки зрения анализа аргументации они могут относиться к несущим элементам ключевого правила, опирающегося на текст; они могут быть presupпозициями в смысле лингвистической прагматики или частями того, что является имплицитным или одновременно имеется в виду и подлежит раскрытию посредством инференций; они могут скрываться за именами, упомянутыми лицами, предметами, обстоятельствами и идейными комплексами; и, наконец, они естественно могут относиться к (лексическому) поверхностному значению слов, понятий и текстов, на которых оказывают заметное или незаметное воздействие.

16. Т. е. такие элементы, которые Витгенштейн причислял к «руслу» идей, которое, однако, в принципе может перемещаться — каким бы прочным и неизменным оно сначала ни казалось кому-либо. См.: *L. Wittgenstein. Über Gewißheit*. Frankfurt a. M., 1970. (Рус.: *Л. Витгенштейн. О достоверности*. М., 1994.)

17. Об используемой здесь модели семантики и понимания текста в основном см.: *D. Busse. Textinterpretation. Sprachtheoretische Grundlagen einer explikativen Semantik*. Opladen, 1991. Kap. 7. При этом речь идет об «эплективной» семантике, т. е. о семантическом анализе слов, предложений и текстов, эксплицирующем релевантное для понимания знание во всем его многообразии, не останавливаемом там, где капитулируют распространенные лингвистические

ву, также включает в себя — аналогично тому, что было сказано относительно понятия «знание», — не только осознанное, открытое, очевидное понимание, но и охватывает имплицитное понимание, которое не обязательно раскрывается с первого взгляда. Лингвистические исследования до сих пор даже близко не подошли к изучению релевантного для понимания знания во всей необходимой для эпистемологической перспективы широте и глубине или вообще даже не учитывали его. В смысле используемой здесь перспективы глубокой семантики, нормальное (лексическое, логико-семантическое) лингвистическое понятие значения охватывает (а нормальный лингвистический анализ значения эксплицирует) в лучшем случае лишь своего рода поверхностную семантику. А часть айсберга, что находится ниже поверхности совершенно и полностью очевидного, остается вне поля зрения.

За последние двадцать лет в лингвистике и когнитивной науке были созданы модели, которые выходят далеко за пределы досягаемости распространенных лингвистических (и логико-семантических) концептов значения. Они

позволяют анализировать семантическое знание во всей его широте и глубине, релевантной для понимания. Я объединяю эти подходы — следуя концепту «фрейма» Чарльза Филлмора¹⁸, главного лингвистического представителя этого направления, — посредством понятия «рамка знания». (Филлморский концепт семантики фрейма или рамки возник в результате полемике с концептом рамки, используемым в когнитивных исследованиях, вроде того, что был выдвинут Марвином Мински¹⁹.) Я не намерен представлять здесь технические детали этой модели, но все же хотел бы обрисовать некоторые основные черты, особенно важные в нашем контексте.

Вместе с когнитивистом Марвином Мински я исхожу из того, что любое знание организовано и структурировано посредством *рамок знания*. Понимаемые таким образом *рамки знания* могут рассматриваться в качестве формата знания. Они динамичны (т. е. следуют за различными перспективами), поливалентны (т. е. могут использоваться для различных функций и целей) и многоступенчато дифференцированы по уровням. Например, такая обыденная *рамка зна-*

и логико-семантические модели значения (с их сильно редукционистским пониманием значения).

18. В плане обзора см.: Ch. Fillmore. Scenes and Frames semantics // A. Zampolli (ed.): Linguistic Structure Processing. Amsterdam, 1977. S. 55–81; он же. Frame Semantics // The Linguistic Society of Korea (ed.): Linguistics in The Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Corp., 1982. S. 111–137. Филлмор располагает свой концепт в рамках такого целеполагания, какое он называет «интерпретативной семантикой».
19. См.: M. Minsky. A Framework for Representing Knowledge // Artificial Intelligence Memo No. 306. M. I. T. Artificial Intelligence Laboratory. 1974. (Напечатано: Patrick H. Winston (ed.): The Psychology of Computer Vision. New York, 1975. S. 211–277. — Выдержки напечатаны: Dieter Metzger (ed.): Frame Conceptions and Text Understanding. Berlin/New York, 1980. S. 1–25. — На нем.: Dieter Münch (Hrsg.). Kognitionswissenschaft. Grundlagen, Probleme, Perspektiven. Frankfurt a. M., 1992. S. 92–133.)

ния, как «летать», в зависимости от контекста состоит из различных присоединяемых подрамок (например, таких, как самолет, птица и т. д.), которые, в свою очередь, содержат другие рамки в качестве элементов и материала. При данном способе рассмотрения каждое понятие (каждый концепт) само становится рамкой, которая или является частью некоей рамки более высокого уровня, или сама основывается на рамках нижнего уровня, или соотносится с соседними рамками или их элементами. В модели лингвиста Филлмора рамки понимаются преимущественно как рамки предикации (предикат — аргумент — структура). Это вытекает из воззрения, согласно которому предложения естественных языков структурируются посредством глаголов (как типичных средств выражения предикатов) и зависимых от глаголов имен и именных групп²⁰. Поскольку чистые аскрипции свойств (Eigenschaftszuschreibungen) также представляют собой предикации²¹, то, в конечном счете, любой элемент знания (и отношение между элементами знания) может быть представлен или же разложен в формате предикации. Таким образом, *рамки знания* в филлморском смысле (в моем понимании — *рамки знания* среднего уровня разрешения) суть структуры, уже всегда расположенные по уровням и состоящие из множества предикаций (например, летать есть деятельность, которая

имеет субъекта, имеет цель, требует инструмента и т. д.). Даже понятие в обычном смысле всегда можно дескриптивно разложить таким способом в виде упорядоченной структуры, состоящей из частей-предикаций. В данной модели, в данном способе рассмотрения структуры сообщаемого посредством языка знания нет никаких базисных концептов, являющихся последним основанием. Поэтому каждое понятие, используемое для экспликации рамок, само опирается на структуру рамок, для формулировки и экспликации которых, в свою очередь, необходимы другие понятия. Это соответствует убеждению Витгенштейна в неустранимости языка, который в неизбежном движении по кругу, в конечном счете, объясняет сам себя.

Согласно Мински (а также Филлмору), любая *рамка знания* представляет собой стандартизованную формацию элементов знания, связанных, как было показано, посредством структур предикации. Таковая содержит постоянные элементы и комбинирует их с точками присоединения вариативных элементов²². Поэтому с точки зрения своего основного строения *рамки знания* характеризуются стабильностью и изменчивостью одновременно. Т. е. уже в основной структуре тех элементарных строительных камней, из которых состоит знание, заложено изменчивое отношение статики и динамики, которое в рав-

20. Это является основным воззрением т. н. грамматики валентности, которой следует Филлмор: L. Tesnière. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959. (Нем.: Grundzüge der strukturalen Syntax / Hrsg. und übers. von U. Engel. Stuttgart, 1980.)

21. В немецком языке это выражается посредством связки-глагола *ist* + предикативного прилагательного: *X ist Y* (*Das Wetter ist gut*).

22. В ставшей уже обыденной терминологии когнитивных исследований сегодня это называется «slots-and-fillers-структурой».

ной степени характерно как для общественной, так и для индивидуальной эпистемы. В собственных — постоянно сближающихся — концептах рамки когнитивист Мински и лингвист Филлмор отсылают к труду психолога Ф. К. Барлетта, разработавшего эпохальную теорию человеческой памяти. В ней Барлетт представил двойственную игру стабилизирующих и динамичных моментов в качестве конститутивной для человеческой памяти и самой способности воспоминания. Поскольку (1) тем самым в человеческую память неустранимо вписан момент конвенциональности (или, выражаясь точнее, поскольку конвенциональность и память, или способность воспоминания, основаны на одних и тех же принципах и когнитивных структурах); (2) конвенциональность есть основной принцип языка; а (3) язык есть причина возможности общественного знания (имплицитно и индивидуального знания — ввиду неизбежно социального характера языка), постольку рамочная структура знания и одновременно его (в конечном счете, всегда опосредованная языком) конвенциональность является неустранимым об-

разующим моментом любого человеческого знания²³. Совершенно между делом заметим: человеческая индивидуальность и креативность знания в таком случае предстают скорее в виде способности комбинировать имеющиеся рамки и рамочные элементы, чем в виде проблемы базисной оригинальности²⁴.

Буквально каждый отдельный элемент знания, определяющий значение слова, предложения, части текста и являющийся релевантным и необходимым для их понимания, обретает свою конституирующую значение функцию лишь благодаря своей позиции в определенной *рамке знания*. В этом заключается центральная роль *рамок знания* для любого вида семантики (и тем самым для истории понятий, — например философской). К тому же даже самый маленький элемент, позиционированный в определенной *рамке знания*, в свою очередь сам образует некую рамку низшего уровня организации²⁵. Поэтому, согласно данному пониманию, вне рамочной структуры и включенности в рамку более высокого уровня вообще не может быть никакой семантики (значения, понятия, представления). Данный факт не был подмечен

23. Здесь невозможно подробно представить конвенционально-теоретические предпосылки, на которых основываются данные размышления. О некоторых основных предпосылках см.: D. Busse. Historische Semantik. S. 176 ff.; *он же*. Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als Ausgangspunkt semantischen Wandels. Zum Entstehen lexikalischer Bedeutungen und zum Begriff der Konvention in der Bedeutungstheorie von H. P. Grice // D. Busse (Hrsg.). Diachrone Semantik und Pragmatik. Untersuchungen zur Erklärung und Beschreibung des Sprachwandels. (= Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 113.) Tübingen, 1991. S. 43 ff., 52 ff. Однако при чтении Барлетта (F. Bartlett. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge, 1932) в его теории памяти обнаруживаются удивительные параллели с философской теорией конвенций Д. К. Льюиса (D. K. Lewis. Convention. A philosophical Study. Cambridge Mass., 1969), на которой частично основываются мои размышления.

24. При желании здесь можно увидеть параллели с философией Деррида.

25. В любом случае, если следовать теории памяти Барлетта: F. Bartlett. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology.

семантиками, лексикологами и историками понятий, прежде всего, потому, что большая часть специфически рамочного знания относится к области само собой разумеющегося, не-тематизируемого, достаточно часто эксплицитно не осознаваемого, не говоря уже о том, что любая теория понятий, в конечном счете, представляет собой своего рода рудиментарную предварительную ступень *теории рамок*²⁶. В качестве препятствия на пути адекватного теоретического постижения основной специфически рамочной структуры любого понимания и любой семантики стояло и стоит обыденное воззрение на (языковую) коммуникацию, воспринимаемое в качестве естественного. Согласно ему, язык в своей основной функции равнозначен эксплицитной вербализации того содержания, что подразумевается (и должно быть сообщено в коммуникации). Это может быть обозначено как «предпосылка эксплицитности» так называемого «относительно-естественного мирозерцания»²⁷ — предположение, которое скрытым образом лежит в основании большинства научных концепций значения и теорий языка. Однако это

допущение совершенно не выдерживает проверки со стороны лингвистики и теории понимания и однозначно оказывается заблуждением, порождающим апорию²⁸. Любой языковой знак приобретает свою коммуникативную функцию благодаря позиции, которую он занимает в предшествующей рамке (чаще всего лишь частично вербализируемой в предложении, выражаемом средствами языка). Поэтому «семантика» или «значение слова», в конечном счете, означают следующее: *рамки знания* вызываются к жизни словами²⁹ и актуализируются ими в знании и рабочей памяти понимающего. Более глубокое понимание³⁰ языкового выражения (или роли языкового выражения, например, слова/понятия в предложении, тексте) возможно лишь в том случае, если более или менее подробно удастся эксплицитировать *рамки знания*, функционирующие в качестве условий понимаемости. И тем самым осознать всё, что довольно часто тонет в массе само собой разумеющегося (и потому редко или никогда не тематизируется/вербализуется)³¹.

Понимание зависимости (и, тем самым, неустранимой имплицитности)

26. В любом случае имплицитно это касается иерархических мыслительных построений XVII–XVIII веков, еще долго оказывавших влияние в XIX–XX веках, например, в т. н. формально-понятийной юриспруденции (Begriffsjurisprudenz).

27. Об этом термине см.: A. Schütz. Th. Luckmann. Strukturen der Lebenswelt. Neuwied/Darmstadt, 1975. Также см.: A. Schütz. Gesammelte Aufsätze. Bd. 1: Das Problem der sozialen Wirklichkeit. Den Haag, 1971.

28. Прежде всего, Филлмор приводит в своих текстах множество показательных примеров рамочной зависимости семантического (языкового) знания вплоть до центральных областей грамматики. Например, см.: Ch. Fillmore. Topics in Lexical Semantics // Roger W. Cole (ed.): Current Issues in Linguistic Theory. Bloomington/London, 1977. S. 76–138.

29. В этом смысле основного замечания Филлмора. См.: Ch. Fillmore. Frame Semantics.

30. Крайне сомнительно, имеет ли смысл говорить о «полном» понимании.

31. В любом случае, избежавшем в большинстве своем взгляда лингвистов.

семантического знания, релевантного для понимания, от рамки ставит сложный вопрос. Возможна ли вообще в таком случае адекватная семантическая реконструкция значения (т. е. необходимого для понимания знания) понятий, слов, предложений и текстов, если между временем семантического, историко-понятийного анализа и временем возникновения текстов, употребления слов и понятий существует значительная временная, а значит и семантическая дистанция? На этот вопрос, который интенсивно обсуждался уже в герменевтике (например, у Шлейермахера³²), в конечном счете, можно ответить лишь практически (исходя из состояния источников). Однако именно словарная статья, посвященная теме «личность»³³, на мой взгляд, хорошо демонстрирует, с какими проблемами необходимо справиться при попытке адекватной реконструкции значения, например, философских текстов античности или раннего средневековья. Здесь будет полезно вспомнить об одном размышлении Эдмунда Гуссерля, который в своих «Логических исследованиях» проводит различие между духовными актами, «придающими значение», и духовными актами «осуществления

значения»³⁴. История понятий, особенно если она имеет дело со столь древними источниками, как в случае статьи философского словаря на тему *личность*, довольно часто достигает лишь стадии *придающих значение* актов, оставаясь более или менее удаленной от стадии *осуществления значения* в гуссерлевском смысле. В этом состоит основная проблема любой исторической семантики (и исторической эпистемологии). Эта неразрешимая проблема особенно остро осознается на основе модели *рамок знания*.

Здесь проявляется специфическая дилемма исторической семантики (или лингвистической эпистемологии) или истории понятий, исходящей из того, что наше семантическое знание организовано посредством *рамок знания*. С одной стороны, рамочная семантика обладает тем бесценным преимуществом, что позволяет лучше аналитически различать сетевые переплетения и обусловленности семантического (понятийно-релевантного) знания далеко за пределами области действия традиционных концепций значения и понятия (и их лексикографического применения). Но, с другой стороны, она также позволяет лучше увидеть то, чего уже не может дать се-

32. Например, см.: F. D. E. Schleiermacher. Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. Herausgegeben und eingeleitet von Manfred Frank. Frankfurt a. M., 1977 (Nach der posthumen Ausgabe von Fr. Lücke, 1838). S. 78: «Точно также любую речь всегда можно понять только из всей жизни, к которой она относится, т. е. поскольку каждая речь познаваема лишь как момент жизни говорящего в обусловленности всех его жизненных моментов, и лишь из совокупности его окружения <...> так и любой говорящий может быть понят лишь через его национальность и его эпоху».

33. Art. Person // J. Ritter u. a. (Hrsg.). Historisches Wörterbuch der Philosophie.

34. E. Husserl. Logische Untersuchungen. Bd. II/1. Sechste Auflage. Tübingen, 1980. (Nachdruck der zweiten umgearbeiteten Auflage 1913; zuerst 1901). S. 38. (Рус.: Э. Гуссерль. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания // Э. Гуссерль. Избранные работы. М., 2005. С. 110–111.)

мантика, опирающаяся на рамки, в случае исторической и эпистемической удаленности исследователя от источников. В случае их значительной удаленности друг от друга *осуществляющий значение* семантический анализ и описание уже вряд ли возможны (эта дистанция может быть и чисто культурной дистанцией!). И наоборот, значительная временная (или эпистемическая, культурная) близость к источникам в принципе способствует лучшему постижению *рамок знания*, релевантных для понимания, даже в их более тонких ответвлениях и более глубоких измерениях. Однако здесь на пути аналитического рассмотрения фундамента знания вновь возникают препятствия, блокирующие доступ к тому, что воспринимается как само собой разумеющееся, что никогда эксплицитно не тематизируется или вербализуется. Ведь в этом случае исследователи были бы вынуждены затронуть основания своего собственно мышления, что возможно лишь при соблюдении максимальных требований в отношении аналитической дистанции, саморефлексии и добросовестности. Сомнительно, что этого удалось бы добиться (при этом не обязательно следовать Фуко, рассматривавшему временную дистанцию минимум в одно столетие в качестве необходимого условия подлинного, в его понимании, анализа дискурса). Одновременно мыслить и жить внутри определенной эпистемической структуры и в то же время во всех деталях

описывать ее с критико-познавательной и культурно-аналитической точки зрения — это требование объективно можно было бы считать чрезмерным.

Несмотря на этот принципиальный скепсис, по моему мнению, модель *рамок знания* является важным элементом любой исторической семантики и лингвистической (или ориентированной на язык) эпистемологии. Она плодотворна, прежде всего, в качестве стратегии постановки вопроса и поиска при выявлении элементов знания, конституирующих значение (релевантных для понимания), при идентификации предполагаемых отношений значения и ведущих контекстуализаций дискурса и т. д. Другими словами, модель *рамок знания* является основным теоретическим каркасом, а также ведущей методологической идеей при разработке того, что образует ядро любого анализа дискурса, истории понятия, исторической семантики: речь идет о выявлении общих или же необходимых для понимания контекстуализаций применительно к изучаемым словам, понятиям или текстам. Ведь дискурсы маркируют (в самом широком смысле) контекстуальные взаимосвязи, понимаемые здесь в эпистемическом смысле, а не в качестве контекстов, обязательно эксплицитированных с точки зрения плана выражения (для лучшего различения последние обычно обозначают как со-тексты)³⁵. Систематическое изучение (эпистемических) контекстуализаций применительно

35. В другом месте я ввел применительно к этому следующие различия: контекстуальные взаимосвязи в коммуникативном плане подразделяются на (1) намеренные (овертные) контекстуализации; (2) ненамеренные, но сознательные (предполагаемые в качестве сознательных) контекстуализации; (3) ненамеренные, несознательные, но аналитически определяемые контекстуализации. Понятие дискурса индифферентно относительно этих уровней, даже если

к знакам языка и их цепочкам (предложениям/текстам) представляет собой попытку дескриптивной экспликации знания, которое, в свою очередь, конституирует значение и является релевантным для понимания. Подобное изучение я рассматриваю в качестве раздела специфически лингвистической эпистемологии, т. е. семантического исследования, никогда не упускающего из виду той роли, которую сами языковые знаки и языковые правила играют при комбинировании языковых знаков (в словообразовании, грамматике предложения,

лингвистике текста). Данные языковые правила (то, что в целом понимается под «языком», «языковой системой», «грамматикой и лексикой определенного языка») сами являются ничем иным, как структурированными инструментами/средствами производства эпистемических контекстуализаций. Поэтому анализ основной структуры рамочной семантики и предпосылок подобных контекстуализаций можно было бы применить к изучению самой языковой системы (хотя, видимо, это интересует только самих лингвистов).

4. ПРИМЕНИМОСТЬ К ФИЛОСОФСКИМ ТЕКСТАМ?

Какие последствия и перспективы открываются для истории идей или исторической семантики в рамках систематической философии и истории философии вследствие дискурсивно-аналитической направленности исторической семантики и эпистемологии, основные характеристики которой были представлены выше? Прежде всего, можно установить, что как история идей, так и анализ дискурса, в конечном счете, ведут свое происхождение от философии и находящейся под ее влиянием истории науки. Поэтому критика прежних подходов к истории понятий, с которой, подобно Козеллеку, выступают историки, предлагая собственное теоретическое и практическое обоснование истори-

ческой семантики, может одновременно рассматриваться в качестве попытки преодоления недостатков, выявленных в данных подходах (и именно в философских подходах). Что справедливо для истории понятий козеллековского типа, то в еще большей мере справедливо для анализа дискурса Фуко, который сознательно отделяет свой подход к изучению изменений в знании и мышлении³⁶ от традиционной (философской) истории идей. С этой точки зрения должно быть возможным прямое и беспроblemное перенесение подобных подходов (т. е. расширенного историко-понятийного метода историков и его распространение на анализ дискурсов и дискурсивных стратегий и тенденций

в исследованиях можно выявить определенное преобладание (Präponderanz) типов (2) и (3). (К сожалению, я не могу здесь останавливаться на этом подробнее.) См.: D. Busse. Diskurslinguistik als Kontextualisierung: Methodische Kriterien. Sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // I. Warnke (Hrsg.). Diskurslinguistik. Methoden – Gegenstände – Grenzen. Tübingen, 2005.

36. Который первоначально был разработан, прежде всего, применительно к предметной области истории науки. См.: M. Foucault. Le mots et les choses. (Рус.: М. Фуко. Слова и вещи.)

в смысле Фуко) на историческую семантику в рамках философии (например, на историю понятия *личность*). Однако могут возникнуть сомнения относительно того, существует ли действительно возможность прямого переноса, при котором учитывался бы специфический характер философской текстуальности и структур знания. Я хотел бы несколько подробнее обсудить подобные сомнения.

Специфику историографической истории понятий у Козеллека можно увидеть в том, что здесь сами понятия (изучаемый предмет, чей теоретический статус у него никогда до конца не ясен³⁷) объявляются акторами исторического процесса, поскольку они вызывают изменения в общественно-политическом сознании, которые затем могут проявляться и в событиях реальной истории. Совершенно независимо от данной проблематичной агентизации³⁸ (можно было бы также сказать «персонализации») абстрактных эпистемически-языковых единиц, такая исследовательская перспектива не может переноситься на историю философии. Прежде всего, потому, что у последней отсутствует объективирующий корсет внедискурсивной традиции и реальной истории, или же он играет применительно к внутридискурсивным и семантическим движениям совсем иную роль, нежели в политической истории. Видимо, понятие дискурса Фуко также не может неограниченно переноситься на все целевые установки, существующие внутри исто-

рии философии, хотя оно было разработано философом именно на примере философских дискурсов. Почему это так, я покажу позже на примере историко-понятийной статьи о *личности* из «Исторического словаря философии». Но и аспекты анализа власти, которые так сильно выдвигаются на первый план, особенно в ходе нынешней дискуссии специалистов по дискурсивному анализу, видимо, также не совсем соответствуют целям философской истории понятий. Исходя из сегодняшней перспективы, можно (неожиданным для меня самого образом) прийти к такому выводу: исследовательские интересы историко-философской исторической семантики и истории понятий лучше учитываются в рамках представленных выше подходов лингвистической эпистемологии. Т. е. исследования конституирующих значение элементов знания и их структур, опирающиеся строго на языковой материал, подходят для этого лучше, чем историографическая история понятий или анализ дискурса власти.

Словарная статья «*Личность*» позволяет взглянуть на эпистемические признаки философии личности, которые, по моему мнению, могут быть обобщены и перенесены на эпистемологическое (или, при желании: историко-понятийное) проблемное поле истории философии в целом. В соответствии с этим историческая семантика внутри философии находится примерно в таком исходном положении: согласно обыденному пониманию, в понятии дис-

37. Подробнее об этом см.: D. Busse. Historische Semantik. S. 80 ff.

38. Термин Поленца. См.: P. Polenz. Deutsche Satzsemantik. Berlin/New York, 1985.

курс имплицитно³⁹ присутствует аспект «разговора»⁴⁰. Это может быть метафорически понятый «разговор с самим собой» как таковой, хотя термин постоянно указывает на диалогический характер (т.е. на участие в нем более чем одного индивида). Почти все изучаемые аспекты, которые рассматриваются дискурс-аналитиками в качестве важных и интересных, происходят из этого диалогического характера, который заключается, прежде всего, в противостоянии и смешении частично несоизмеримых, частично совпадающих интересов. Ведь по различным (например, с точки зрения философии идентичности) причинам крайне маловероятно, что в «разговоре с самим собой» (внутреннем диалоге) могут столкнуться подлинные интересы. Тем самым столь типичное для философов внутреннее рассуждение лишается важного признака, характерного для дискурсов. Естественно, в ходе внутреннего «диалога» также можно пытаться воспроизвести известные философствующему индивиду (или предполагаемые им) дискурсивные течения и тенденции. Однако подобная имитация дискурса сможет охватить лишь те эпистемические элементы, которые уже достигли порога осознанности и стали доступными для эксплицитной тематизации. Во «внутреннем диалоге»⁴¹ никогда не смогут проявиться и тем самым стать полностью очевидными — столь важ-

ные для решения задач дискурс-анализа (по крайней мере, в смысле Фуко) — элементы бессознательного, имплицитного знания, того, что остается само собой разумеющимся, не тематизируется и не рефлексивируется. Ведь они даны лишь для той линии аргументации, что отстает сам философствующим индивидом, но отсутствуют у (мыслимого и имитируемого) оппонента. И хотя текст, возникший в результате «внутреннего диалога», можно рассматривать в качестве определенного дискурсивно-аналитического индикатора, это вовсе не означает наличия подлинного дискурса в смысле дискурс-анализа. Ведь весь психологический опыт говорит в пользу того, что пропоненту всегда проще обнаружить и эксплицировать скрытые или имплицитные эпистемические предпосылки у оппонента, чем у себя самого.

По этой причине возможность практического применения дискурсивно-аналитической исследовательской перспективы однозначно зависит от состояния текста (состояния источников) изучаемого историко-философского отрезка. По крайней мере, историко-философская статья «Личность» часто производит впечатление бессвязного пуантилизма, — здесь присутствуют лишь отдельные исходные эпистемические вокабулы. И хотя время от времени в ней проводятся отдельные аргументационные и дискурсивные линии, указыва-

39. Даже если это строго не выводится из этимологии или истории слова.

40. Подобно тому, как, например, в немецком вместо «дискурса» также может использоваться редко употребительное выражение «Zeitgespräch».

41. В «одиночестве душевной жизни», как это называл Гуссерль. См.: *E. Husserl. Logische Untersuchungen* (Рус.: Э. Гуссерль. Логические исследования. Т. 3. Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания).

ются тенденции и пересечения, однако в целом остается впечатление крайне гетерогенной и несоразмерной эпистемической контекстуализации и функциональности исходных вокабул. По крайней мере, в результате представленного в статье изображения отдельных позиций не возникает впечатления сплошной историко-дискурсивной линии развития. Часто авторами статьи эксплицитно не разрабатываются и глубоко не исследуются даже те дискурсивно-аналитические связи, что вполне могли быть установлены (например, между использованием понятия «лицо» в римском праве и общественно-политической практике с позициями сегодняшних юристов). Остается впечатление простой хронологической последовательности индивидуальных позиций отдельных философов (или формулировок понятий), которые довольно часто никак не связаны друг с другом, особенно что касается пассажей статьи, относящихся к раннему и позднему средневековью. Это может быть прямым следствием состояния текста или состояния источников, относящихся к соответствующей эпохе, для которой возможно отсутствует критическая масса (и временная плотность) текстов, что является необходимой предпосылкой для анализа дискурса в собственном смысле. В та-

ком случае история понятия редуцируется к последовательному представлению противоборствующих позиций отдельных философствующих индивидов, тогда как их базовое эпистемическое оснащение и исходная эпистемическая ситуация могут быть реконструированы лишь частично.

Здесь можно провести параллель с попытками применения дискурс-анализа в современном литературоведении. В случае сравнения — часто действительно различных — концептов дискурса и моделей дискурс-анализа, используемых сегодня в культурологических дисциплинах, становится очевидным отличие строго дескриптивной эпистемологической (дискурсивно-семантической) перспективы, представленной здесь мною с позиции лингвистической исторической семантики, от подходов, используемых, например в литературоведении. В них семантика и эпистема, содержащаяся в изучаемых текстах (или же произведениях культуры), тематизируется весьма эмфатическим образом — посредством понятий творчества, индивидуальности и спонтанности авторов литературных произведений⁴². Легко возникает впечатление, что здесь, как и прежде, царит дух старой идеи гения, принадлежащей эпохе немецкого классицизма и романтизма⁴³. Для этих наук,

42. Иногда это оправдывается (чтобы представить такое понимание как совместимое с идеей дискурса Фуко) посредством эмпатической интерпретации понятия «дискурсивное событие» у Фуко. Однако при этом не учитывается, что событийность всегда возникает лишь как непредвиденный результат комбинирования дискурсивных тенденций и в любом случае (учитывая решительную критику идеалистического понятия субъекта самим Фуко) никак не может рассматриваться в смысле спонтанности и творческой автономии индивидов, участвующих в дискурсе.

43. Я благодарю Зигрид Вайгель и других представителей дисциплины за предоставленную мне возможность заглянуть в историко-понятийное мышление литературоведов — во время конфе-

в конечном счете, по-прежнему гораздо важнее то уникальное, особенное, что выбивается из мейнстрима мысли и письма определенной эпохи, и гораздо менее важна разработка тех эпистемических детерминаций и предпосылок⁴⁴, которые вообще сделали возможными эти, якобы индивидуальные и творческие, произведения. И хотя идея гения в философии и истории философии не является столь определяющей, как — видимо, до сих пор — в литературоведении, определенную параллель всё же можно провести: совершенно очевидно, что здесь по-прежнему распространена идея определенной независимости философской мысли и суждения.

Здесь не обсуждается вопрос о том, действительно ли существует подобная независимость. Тем не менее, некоторые сомнения в возможности полной независимости человеческого мышления (и философского рассуждения) остаются. Дискурс дискурс-анализа, истории понятий и исторической семантики сам неожиданно оказывается внутри дискурса о детерминизме и свободе, попадает в его сети. Следует, однако, признать, что философская мысль в гораздо большей

степени развивается в рамках индивидуальных эпистемических конструкций, индивидуальных мыслительных систем, чем большинство других областей человеческого знания. Но и здесь существуют (по крайней мере, с точки зрения лингвистики) очевидные пределы понятой таким образом индивидуальности, особенно если мы склонны следовать аргументации Витгенштейна о невозможности существования частного языка.

Любая артикуляция⁴⁵ какой-либо мысли нуждается в форме языкового знака, в формировании и формулировании предложения, текста. Однако поскольку язык (через конвенциональность, как причину его возможности) неизбежно является социальным, интерсубъективным, надиндивидуальным, постольку и в любой якобы творческой и индивидуальной мысли необходимо и обязательно пробивается коллективная эпистема. Можно пойти еще дальше Витгенштейна и сослаться на теорию памяти Барлетта, чью основную идею заимствовали представители модели *рамок знания*⁴⁶. Согласно этой идее, любая способность воспоминания, любая способность образования «представлений»

ренции в Берлинском центре литературных исследований, посвященной «Словарю основных эстетических понятий».

44. Условий возможности эпистемы в смысле Фуко.

45. Артикуляция понимается здесь в двойственном смысле структурирования / формирования и (внешнего) выражения.

46. Параллельно Барлетт развивает собственную теорию представлений, которая выводит представления, подобно памяти и способности воспоминания, из того, что он называет «schemes» или «schemata». См.: *F. Bartlett. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. P. 215 ff. Прежде всего, подобное понятие схемы (которое следует рассматривать как основное понятие когнитивной науки) подвигло как лингвиста Филлмора, так и когнитивиста Мински на создание их собственных моделей научных рамок. См.: *Ch. Fillmore. Scenes and Frames semantics*. P. 58; *он же. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica*. 6 (1985). P. 223; *M. Minsky. A Framework for Representing Knowledge*. P. 3.

и «мыслей» выводится из базовых когнитивных структур, которые идентичны структурам, являющимся предпосылкой и условием возможности возникновения социальных конвенций (например, использования языка и образования понятий)⁴⁷. Поэтому базовые структуры семантики определенного языка нераздельно связаны с базовыми структурами соответствующей человеческой способности восприятия, образования понятий и воспоминания.

Это не означает автоматически, что посредством конвенциональных средств выражения семантика полностью отменяет возможность индивидуальных эпистемических структур. Эпистемический аспект языковых выражений (слов / понятий, предложений, текстов) всегда имеет две грани. Первая из них — феноменологический способ данности (актуализация, реализация) когнитивных или эпистемических структур, как результатов работы индивидуального человеческого разума. Вторая — влияние социума, осуществляемое через языковые средства выражения (и неизбежность их использования) вплоть до предопределения тех содержаний, которые сообщаются посредством первых. Таким образом, в принципе индивидуальные «мыслительные конструкции»⁴⁸ (использование понятий, рамки или же структуры знания) возможны, хотя они

вынуждены постоянно использовать имеющийся (и, тем самым заранее, социально обусловленный) языковой (и, в конечном счете, эпистемический) материал. Ввиду того, что рамочная структура релевантного для понимания знания имеет различные уровни⁴⁹, всегда можно самостоятельно встроить новые элементы в существующую (уже имеющуюся, заимствованную) рамку и тем самым создать *рамку знания* (например, определенное понятие), которая в определенных пунктах будет отличаться от предыдущего экземпляра, ставшего конвенциональным. Однако для того, чтобы данное творческое изменение рамки могло стать предметом коммуникации (т. е. быть понятным, доступным для других индивидов), в тексте (в смежных текстах, в общекультурном фоновом знании определенной эпохи или коммуникативного сообщества) должны содержаться элементы, способные поддерживать искомую эпистемическую структуру (или ведущие к ней инференции реципиентов текста).

Если же подобные поддерживающие указания отсутствуют (например, по причине слишком незначительного количества или слишком фрагментарного характера сохранившихся текстов), то полная реконструкция необходимых для понимания элементов и *рамок знания*, в конечном счете, уже невозмож-

47. К сожалению, здесь нет возможности подробно представить конвенционально-теоретические предпосылки, говорящие в пользу убедительности данной посылки. Об этом также выше см. сноску 23.

48. Об основных проблемах «архитектуры знания» см.: *D. Busse. Architekturen des Wissens. Zum Zusammenhang von Semantik und Epistemologie // W. Sigröd (Hrsg.). Begriffsgeschichte im Umbruch (Archiv für Begriffsgeschichte, Beiheft)*. Hamburg, 2005.

49. В виде комплекса рамок, входящих в другие рамки и т. д.

на. То же самое касается и возможности восстановления эпистемических связей, утраченных в результате пробелов в том, что дошло до нас, — даже помимо проблемы потенциальной креативности и индивидуальности дошедших текстов отдельных философствующих индивидов ранних эпох. Здесь справедливо воззрение, описанное в ссылке на Гуссерля: в историко-понятийном (историко-семантическом) исследовании часто невозможно продвинуться дальше стадии *придания значения*, тогда как являющаяся целью эпистемологического интереса стадия *наполнения значением* достигается лишь фрагментарно или вообще не достигается. Детальные подробности истории понятия *личность*, приведенные в исследуемой статье, производят такое впечатление, что данное предположение должно быть верным как минимум для многих из древних авторов.

Поэтому дискурс-анализ (как и история понятий) должен рассматриваться в качестве возможной методической перспективы и стратегии исторической эпистемологии, которая необязательно в равной степени подходит для любых возможных корпусов текстов. Главенствующей всегда должна оставаться перспектива эпистемологии, нацеленная на реконструкцию эпистемических предпосылок понимаемости культурных артефактов — среди них и языковых

текстов⁵⁰. И неважно, посредством каких методов они могут быть лучше всего раскрыты. Само собой разумеется, необходимо исходить из того, что дискурсы существовали и в предыдущие эпохи, в которых они, однако, не поддаются наблюдению или описанию ввиду состояния источников или поддаются лишь частично. Но не все, что относится к эпистемической реконструкции, может быть охвачено и описано в терминах дискурс-анализа. Сообщения о языковых затруднениях, о трудности выражения у немецких мистиков раннего средневековья (таких как Хильдегарда Бингенская и Мейстер Экхарт) наглядно показывают, насколько сложно, например, выразить и сделать предметом коммуникации внутреннее религиозное переживание посредством еще не предназначенного для этого первоначально крестьянского языка. Так, Лютер был вынужден обращаться к словарю мистиков, уже тогда насчитывавшему несколько веков истории (и со временем почти забытому), чтобы выразить в народном языке определенные религиозные содержания. (Часто приводимый пример немецкого слова «*Gemütlichkeit*» наглядно демонстрирует, что в словаре определенного культурного сообщества может содержаться исходная эпистемическая ситуация и структура ссылок, которая просто непереводаема в духовное содержание других языков и культурных сооб-

50. Данную перспективу, выходящую за рамки чистой текстологии, признавал уже ученик Шлейермахера Август Бек. Он выразил это знаменитой фразой о том, что задача филологии как понимающей науки является «последующая реконструкция конструкций человеческого разума в их целостности». См.: A. Boeckh. *Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften*/Hrsg. von E. Bratuschek. Leipzig, 1877. S. 16. В процессе понимания мы следуем за мыслительными процессами других. Поэтому для Бека понимание всегда является «познанием того, что было произведено человеческим разумом, т. е. познанным». См.: Ibid. S. 10, 33 и 53.

ществ⁵¹.) Но общим для дискурс-анализа и исторической эпистемологии (например, в рамках истории слов и понятий) является их стремление изучать и научно эксплицировать глубинные эпистемические потоки и структурные условия, являющиеся предпосылкой полноценного понимания изучаемых слов, предложений и текстов и их отношений к смежным текстам или релевантным для понимания рамкам и структурам знания. Речь идет о дескриптивном постижении релевантных для понимания элементов (и структур) знания, которому всегда должно предшествовать понимание исследова-

телем изучаемых текстов и их составных частей. Поэтому и здесь справедливо постулат, что любая историческая семантика в принципе есть ничто иное, как «регулируемая правилами трансформация смысла для других в смысл для нас»⁵². Таким образом, история дискурса, история понятий, историческая эпистемология также не избавлены от герменевтической дилеммы: из всего накопленного знания прошлых эпох, текстуальностей и дискурсивных формаций всегда может быть эксплицировано только то, что может мыслиться и высказываться в рамках нашей собственной эпистемы.

5. ПРИМЕНЕНИЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ К ФИЛОСОФИИ ЛИЧНОСТИ

Занятие методическими и теоретическими основами лингвистически фундированной⁵³ эпистемологии⁵⁴ (истории понятий, дискурс-анализа, исторической семантики) открывает неожиданную теоретическую перспективу, в рамках которой, по-видимому, возможно применение элементов методологической дискуссии к предмету, понятию и философии *личности*. Если попытаться дать максимально абстрактную версию концепта *личность*, общую для как можно большего числа способов употребления слова *личность* (или *лицо*), тогда она, по всей видимости, сведется к аспек-

ту определенной консистенции, которая соединяет в идентифицируемое целое свойства, характеризующие человека как такового. «Консистенция» означает здесь следующее: (а) речь идет о множестве свойств (а не об отдельных изолированных свойствах); (б) они образуют определенную структуру, контекст, узнаваемый образец; (в) последние являются предпосылкой для определенной временной или исторической стабильности. Это консистентное, комплексное и стабильное *нечто* демонстрирует явные совпадения с тем, что я назвал *рамкой знания*. Это суть структуры, состоящие

51. Поэтому психологи вовсе небезосновательно настаивают на том, что эпистемические структуры не могут быть редуцированы к мыслительно-когнитивным элементам, но что для базового эпистемического оснащения такую же важную роль играют, например, эмоциональные, привычные, установочные аспекты, которые находятся в отношениях взаимовлияния с мыслительно-когнитивными элементами.

52. D. Bussé. *Historische Semantik*. S. 301.

53. Т. е. опирающейся на язык и использующей лингвистические методы.

54. Которая в принципе может осуществляться диахронно (исторически) и синхронно.

из упорядоченной группы (эпистемических) элементов и демонстрирующие определенную стабильность. Впрочем, ни один из отдельных элементов не является среди них безусловно необходимым, чтобы оставаться в структуре. Так и элементы, образующие концепт личности (юридические, социально-политические, государственно-политические, этические, индивидуально-психологические, элементы философии идентичности), всегда были более или менее заменимыми. Это может объясняться тем, что, по всей видимости, концепт личности является фундаментальным антропологическим концептом, которого (подобно смежным концептам Я, самость, идентичность, субъект и т. д.) невозможно избежать и от которого мы не можем отказаться. Таким образом, личность представляется настолько конститутивной для человеческого самовосприятия и саморефлексии *рамкой знания*, что за этим всегда проявляются условия самого *conditio humana*.

Возможность концептуального (т. е. в виде *рамки знания*, являющейся в тенденции стабильной и характеризующейся определенной латентностью) охвата множества элементов в принципе связана с возможностью (и человеческой способностью) воспоминания. Повторяемость эпистемических результатов, которую можно назвать образованием понятий, возникает только в том случае, если отдельные эпистемические

элементы вспоминаются в качестве таковых и в специфическом контексте. Таким образом, возможность воспоминания и образование рамок (схем) нераздельно связаны друг с другом⁵⁵. Иначе говоря, образование рамок сущностно привязано к повторяемости (возможности итерации⁵⁶). Вместе с повторяемостью возникает частичная стабильность *рамок знания* (которая, таким образом, опирается на воспоминание и, в конечном счете, создает то, что называется «памятью»). Это есть необходимая предпосылка, что в постоянном потоке внутренних и внешних переживаний живого существа, обладающего высшими когнитивными способностями⁵⁷, проявляются структуры сегментации, связанности и узнаваемости. Эти структуры делают возможной рефлексию, участие в ней самоконституирующего сознания в ходе тех многочисленных когнитивных актов, которые в сумме (по крайней мере, у человека) могут привести к образованию концепта самого себя (некоей «идентичности»). Т. е. способность к познанию и концептуализации самого себя (или других) в качестве личности предполагает образование схем (эпистемических рамок) не только на мета-уровне языка и опирающихся на него дискурсов и понятий, но уже на базовом уровне индивидуального опыта самопознания и самоконцептуализации. Это связано с еще более первичной способностью образо-

55. Это является важнейшим выводом в теории памяти Барлетта. См.: F. Bartlett. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology.

56. Такое понятие применяет для этого Деррида.

57. Здесь я не могу обсуждать то, можно или следует ли ограничивать это только видом homo sapiens.

вания схем, которое называется «воспоминанием» или «памятью». В сильно укороченном виде формула могла бы звучать так: никакое образование схем (*рамок знания*) невозможно без способности воспоминания; никакая способность воспоминания невозможна без образования схем (*рамок*); никакое восприятие самого себя и концептуализация себя в качестве личности (*субъекта, самого себя, Я*) невозможно без образования схем, относящихся к соответствующей способности воспоминания; никакая (высшая) форма образования схем (концептуализации, образования рамок, способности воспоминания) невозможна без самоконституирования себя в качестве личности (*Я, субъекта*), которая в качестве критерия, лежащего в основе идентичности⁵⁸, рефлексивно противопоставляется своим эпистемическим объективациям. Можно было бы сказать и так: идентификация групп эпистемических элементов в качестве относящихся друг к другу, в качестве единого нечего, является предпосылкой их возможной (и фактической) идентификации в последующей истории восприятия познающих индивидов; но она также является предпосылкой выявления тех конститутивных элементов знания, из которых позже образуется концепт (собственной) личности.

Из данных размышлений можно сделать определенный вывод. Образование *рамок знания* — в том числе тех, что связаны с возникновением такого феномена, как «личность» (в качестве величи-

ны для осознания индивидом самого себя), — опирается на те же самые когнитивные или эпистемические принципы, что являются конститутивными и для образования языка, языковых выражений и, тем самым, для концептов, текстов и дискурсов. Т. е. условия существования «предмета» такого концепта, как личность, здесь тесно соприкасаются с условиями существования понятий, языка, посредством которого мы говорим об этом предмете, рефлексивно его артикулируем и обсуждаем. Это наблюдение касается не только самонаблюдения отдельного разума и его конституирования себя как индивидуального «Я», но затрагивает также и те аспекты концепта личности, которые, в первую очередь, проистекают из чужого наблюдения и чужой аскрипции (что, очевидно, справедливо для самых ранних начал античного концепта *persona*).

Один из существенных моментов концепта *рамок знания* состоит в том, что *рамки знания* не просто представляют собой какие-то структурированные комбинации элементов знания, но обладают признаками прототипа. Т. е. *рамки знания* (схемы, концепты) охватывают элементы знания, считающиеся типичными (существенными или интересными), конденсируют многообразие обыденного восприятия и представления до базовой структуры, состоящей из относительно немногочисленных типизированных элементов, и потому имеют конструктивный характер. Барлетт⁵⁹ неоднократно показывал, что

58. В данном контексте понятие «идентичностно-образующий» относится к эпистемическим конструкциям, рамкам знания, концептам, а не к индивиду!

59. F. Bartlett. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology.

этот избирательный и типизирующий конструктивный характер является существенным для того, что мы называем воспоминанием или памятью. Далее он указывал на то, что вид и форма этого конструктивного процесса всегда направляются потребностями и интересами⁶⁰. Применительно к философии личности это означает, что *рамки знания*, лежащие в основе подобной концептуализации, также имеют избирательный и конструктивный характер. Так конструируется феномен «личности», различающийся в каждом конкретном случае. Относительно сферы опыта⁶¹, лежащей в основе данной конструктивности, он демонстрирует редуцированный и одновременно усиливающий характер. Пока концепт личности опирается в основном на элементы чужой аскрипции⁶², в этом нет ничего особо примечательного (поскольку это касается любого образования рамок и понятий). Но как только этот концепт начинает все сильнее развиваться в направлении концепта самоаскрипции⁶³, тогда данный момент редуцированной и усиливающей конструктивности переносится на самоконституирование современной субъективности и саму соотносимую с индивидом идентичность. Это

видно уже по тому, что на сегодняшний день вряд ли можно говорить о конституировании субъекта и Я-идентичности, не используя понятие *личность*.

Таким образом, понятие *личность*⁶⁴, по всей видимости, само стало основной дискурсивной фигурой, направляющей эпистемическое конституирование соотносимой с индивидом *рамки знания* (и тем самым того, как современный человек воспринимает и толкует самого себя). В рамках современного дискурса человека о человеке (т. е. в дискурсе о себе и в ходе определяющего для дискурса конституирования самого себя) это не всегда осуществляется исключительно открыто. Довольно часто это происходит в скрытой форме. Тем самым *рамка знания* (или переплетение *рамок знания*) *личность* сама стала элементом подспудного (имплицитного) знания, того, что считается само собой разумеющимся, элементом условий возможности обсуждения человеком самого себя. Данный элемент действует скорее скрыто, чем явно, и вряд ли нуждается в явном выражении и тематизации, чтобы быть эффективным повсюду. Ведь, выполняя функцию несущей опоры, он встроено в многообразные повседневные и теоретико-интеллектуальные

60. Таким образом, потребности и интересы относятся к факторам, являющимся конституирующими для *рамок знания*, концептов и понятий.

61. Неважно, является ли эта сфера опыта повседневной, индивидуально-исторической или теоретически конституированной и детерминированной.

62. Т. е. является своего рода понятием наблюдения или описания в рамках обычного конституирования предмета человеческой познавательной деятельности.

63. Как это выглядит в соответствии с изложением, представленным в историко-понятийной статье на тему «личность».

64. Невзирая на дальнейшее существование и применение дескриптивного понятия личности, основанного на чужих аскрипциях, которое по-прежнему часто используется, например, в правовой системе.

рамки знания, необязательно обращая на себя внимание. Поэтому насущной потребностью может стать более точное определение и изучение концепта личности (дискурса *персональности*) в его взаимодействии с другими концептами, моделями, рамками знания, относящимися к философии идентичности (такими, как *субъект*, *самость*, *Я*, *идентичность*), чем это сделано на данный мо-

мент. Частью подобного исследования могло бы стать более глубокое изучение функции, которую выполняет то общее основание, на котором базируется производство человеческого знания и концептуализация, способность воспоминания и память, а также образование личной идентичности и персональности⁶⁵.

Перевод О. В. Кильдюшова

65. Чтобы не перегружать данный текст, я не затрагиваю социально-психологических и социологических импликаций темы личности, по поводу которых, тем не менее, можно было бы кое-что сказать.